

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ. Выходить ежедневно.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Содержаніе № 7354.

Дѣйствія правительства.
Телеграммы.
Харькова. 23-го апрѣля.
В. А. Жукowski въ характеристикахъ
поэтовъ, современниковъ и критиковъ.
Н. Чернышова.
Письма изъ Триполи. Туапсе.
Муниципальные выборы. — ва — ича.
Торжественное собраніе совѣта харь-
ковского университета и историко-фи-
лологическаго Общества.
Обозрѣніе газетъ и журналовъ.
Послѣднія извѣстія.
Откровенные разговоры. Василия Ива-
нова.
Мѣстная хроника.
Скачки.
Театръ и музыка.
По Россіи: корресп. изъ 1 Суджи.
Должика и др.
Вѣстныя извѣстія.
Библиографія.
Фельетонъ. 1) Изъ московскихъ впе-
чатлѣній. Проф. Н. Ѳ. Сумцова. 2)
Woodstown.
Справочныя свѣдѣнія.
Объявленія.

Фейерверкъ

ковская ул., № 32. 8791 2—1 25, Дмитрова. 8811 3—1

23-20 апреля.

23-20

Обозрѣвая, въ началѣ нынѣшняго года * плѣтательность земскихъ уч-

ежендній за прошедшій годъ, мы

казывали на отрицательные факты, се болѣе и болѣе проявляющіяся въ

различныхъ земскихъ собраніяхъ.

особенно яркие картины разлада въ
емской жизни представляло послѣд-

ее очередное собрание казанскаго
уѣзнскаго земства Тѣ нѣскольکو

примѣровъ, которые мы привели, въ

помянутомъ обзорѣни, достаточно
сно характеризовали разладъ, устано-

ившийся между земцами бывшего вре-

крестили въ Казани названіемъ борь-

ы между старо-земцами и ново-зем-
цами представителями которых вт

казани выступили молодые юристы

Баратынский, Каземъ-Бекъ и др. Первый изъ названныхъ двухъ ново-зем-

дѣвъ явился истолкователемъ тен-

тцовъ и дѣтей русскаго земства.

Каковы бы ни были господствующія теперь мнѣнія о земскихъ уч-

рожденіяхъ, сорокъ лѣтъ назадъ всѣ

сумали одинаково. Время возникно-
вения земскихъ учреждений представ-

...яетъ свѣтлую эпоху. Отъ обветша-

ешло творческому самоуправленію, и

общество приступило къ новой дѣятельности съ широкими планами

Когда въ началѣ нынѣшняго года

олонецкая губернія праздновала сто-
лѣтіе своего учрежденія, „Правитель-

ственный Вѣстникъ" напечатать историческій очеркъ развитія ея законо-

мических силъ, и особенно подчерк-

* „Южный Край“ 2 января № 7245.

нуль то влияние, которое оказало введение земских учреждений. В до-реформенный период правительством принуждено было привлекать в эту глущую губернию чиновников особенными льготами, а когда открылись земские учреждения, нашлись мѣстныя силы, давши не малочисленный состав представителей и членовъ уездныхъ и губернскихъ управъ. То же самое повторялось вездѣ. Подобно тому, какъ въ периодъ освобождения крестьянъ русское общество выдѣлило изъ своей среды въ мировые посредники первого призыва все, что было въ немъ лучшего, такъ и при введеніи земскаго самоуправления первыми гласными были безусловно лучшие люди своего времени. У нихъ была живая связь съ землею и съ крестьянством, интересъ котораго они понимали и которому они безкорыстно служили. Принявъ неограниченное и безпородочно веденное хозяйство, первые гласные должны были организовать все съ самаго начала. Эта созидательная работа продолжалась не одно десятилетіе, и современники не могутъ не признать крупныхъ заслугъ передъ Россіей пионеровъ на земской нивѣ.

Прошли года, потребности не сокращались, а продолжали увеличиваться, источникъ же доходовъ оставался неизмѣннымъ и даже пошелъ на убыль, такъ какъ при нашемъ примитивномъ способѣ веденія хозяйства главный объектъ обложения—земля, стала приносить все менѣй и менѣй доходъ. Это было еще съ полтора. Гораздо больше вреда земскому дѣлу принесъ наплывъ новыхъ лицъ, съ новыми вѣяніями. Нельзя сказать, чтобы это были безусловно новыя лица, многія изъ нихъ принадлежали къ помѣстнымъ семействамъ, но они успѣли уже почти совершенно порвать свою связь съ землею. Увлеченные промышленнымъ прогрессомъ въ крупныхъ центрахъ, они покинули родныя поля, чтобы искать счастья въ разнаго рода предпріятіяхъ, а потерпѣвъ въ нихъ неудачи, вернулись въ свои усадьбы и постарались устроиться на земской службѣ, которая, хотя до нѣкоторой степени, возмѣстила бы ихъ потери на поприщѣ коммерціи и индустрии. Это было, такъ сказать, переходный моментъ, ознаменовавшійся разными крупными проектами, вызвавшими лишь крупные расходы. Нынѣшніе ново-земцы открепиваются отъ связи съ этимъ, такъ сказать, притяжимымъ элементомъ, хотя нѣрѣдко ново-земцевъ причисляютъ къ этой же категоріи.

Ново-земцы формулируютъ свою программу такъ: увеличивать смѣту можно, но не соответствующе съ нуждами края, а лишь соответствующе съ тяжестью бремени, которымъ она ложится на население. Исполнители программы казанскихъ ново-земцевъ говорятъ, что новая земская молодежь, какъ и старыя земцы, на школьной скамьѣ рисовала себѣ благодѣянія земскихъ учреждений и также готова была мечтать о развитіи самостоятельности, но вступивши въ дѣло, она разочаровалась. Она разочаровалась не въ томъ, что сдѣлано, а въ томъ—какъ сдѣлано, какъ обставлено и какъ ведется земское хозяйство. Это не порицаніе дѣятельности старо-земцевъ, а указаніе на тотъ туманъ, который былъ наплывъ земскими дѣятелями переходной эпохи. Въ программу нынѣшней дѣятельности земства ставится: поддерживать и упорядочить все то благое и полезное, что было создано старо-земцами, но дальше не хотѣть идти ново-земцы. Они говорятъ: краемъ создано все, что было возможно создать по средствамъ земства, и теперь земство должно заботиться о подъемѣ экономическаго благосостоянія населенія, чтобы оно стало способно продолжать усовершенствованіе жизни своей родины. Противъ такой программы можно и не спорить, но это, вѣдь, не болѣе, какъ общія фразы о благодѣяніяхъ, которыми прикрывались и земские дѣятели переходной эпохи. И тѣ говорили о народномъ благѣ, но народъ только кряхтѣлъ отъ ихъ благожеланій.

Что же предлагаютъ ново-земцы?

ИЗЪ МОСКОВСКИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЙ.

На Красной площади, между Иверскими воротами и Кремлемъ, возмущается грандиозное званіе Историческаго музея, съ превосходнымъ вестибюлемъ, съ обширными, но нѣсколько сумрачными залами, съ стѣнной живописью кисти Семирадскаго. Тутъ обширные отѣлы херсонесскихъ древностей, и разныхъ предметовъ каменныхъ и бронзовыхъ вѣковъ; но при всемъ томъ еще много простора мѣста, и потому въ Историческомъ музѣе находятъ пріютъ разныя выставки. Въ началѣ апрѣля здѣсь было цѣлыхъ три выставки—въ нижнемъ этажѣ пять залъ было занято Жуковско-Гоголевской выставкой, въ верхнемъ—цѣлая амфилада комнатъ была занята двумя выставками—первая залы—IX выставкой московскаго товарищества художниковъ и нѣсколько комнатъ посмертной выставкой Е. Д. Поляковой.

Жуковско-Гоголевская выставка.

Внѣшняя обстановка не отличается удобствами. Такъ, входъ на выставку за плату—36 коп., съ учащими 12 коп.; каталогъ нѣтъ; личныя объясненія можно было получить только въ первыхъ двухъ залахъ, въ первой отъ студента, во второй отъ дѣвочки, особы любезной, но не особенно освѣдомленной. Личныя объясненія тѣмъ неудобны, что они имѣютъ характеръ личнаго одолженія, и, если барышня съ женскимъ тактомъ сумѣла гладить эту неудобную сторону, то въ ма-

Вотъ какую программу рисуетъ канцеляскій ново-земецъ А. Баратынскій. «Экономическія предложенія привѣтствуются. Собраніе поручаетъ управу регламентацію дѣйствій земскихъ учреждений, разработку инструкцій для служащихъ, устанавливаетъ штаты и требуетъ отъ управы неукоснительнаго слѣдованія по этому, дѣйствительно спасительному пути». Читая этотъ рецептъ къ польѣ экономическаго положенія населенія, недоумѣваешь, штаты или инструкции должны обогатить населеніе и упорочить его благосостояніе. Это, вѣдь, сказано не въ рѣчи, произнесенной ad hoc, а въ обстоятельной статьѣ, напечатанной въ газетѣ *, при составленіи которой можно было обдумать вопросъ всесторонне. Печальную перспективу земскому дѣлу рисуютъ гг. ново-земцы. Чѣмъ же эта программа отличается отъ той, по которой велось земское хозяйство въ до-реформенный периодъ?

В. А. Жуковский въ характеристикахъ поэтовъ, современниковъ и критики.

VIII.

О томъ, какое впечатлѣніе произвела на современниковъ смерть Жуковскаго и какъ высоко они цѣнили его литературныя заслуги, можно судить по письму Плетнева, отъ 21 мая 1852 года къ Я. К. Гроту:

«Моя главная цѣль—распространить какъ можно болѣе собственныхъ идей моихъ объ искусствѣ и поэзіи, а также доказать, что на Жуковскаго надобно смотрѣть не просто, какъ на романтика или на отличнаго переводчика, а какъ на поэта, въ высшей степени самостоятельнаго и повиновавшагося особому призванію, для котораго онъ былъ посланъ къ намъ въ Россію». «Для меня Жуковский творецъ поэзіи у насъ,—болѣе творецъ, нежели Пушкинъ. Онъ снялъ покровъ со всего. Въ его храмѣ зажглись свѣчи на алтаряхъ божества всѣхъ народовъ древняго и новаго міра. Будь у меня талантъ Вильмена—я готовъ бы написать нѣсколько книгъ о значеніи Жуковскаго въ русской литературѣ. Пушкинъ высказалъ только себя, а Жуковский принесъ себя въ жертву пользѣ нашей и, отказавшись отъ славы, весь вѣкъ трудился для нашей пользы. Конечно, великое дѣло—прибавить къ поэтамъ всемірнымъ новое имя, какъ сдѣлалъ Пушкинъ; но для общества блага выгоднѣе лицомъ къ лицу съ нами на одну доску всѣхъ поэтовъ міра, какъ поступилъ Жуковский. Можеть быть, его и забудутъ, но то, что онъ внесъ въ нашу литературу, развито ее неизмѣнно. Это—разливъ Нила, который ушелъ опять въ свои берега, а между тѣмъ, безъ него зачала бы цѣлая страна. Въ самомъ дѣлѣ, до него пятьдесятъ лѣтъ писали сотни поэтовъ, а всѣ только повторяли другъ друга, карлики, какъ вороны: явился Жуковский—и все оживилось и расцвѣло. Кто не проникнулся Жуковскимъ, какъ Пушкинъ, Дельвигъ и Баратынскій, тотъ не пріобрѣлъ истиннаго чутія въ поэзіи... Мы, люди двадцатыхъ годовъ, жили въ стихахъ Жуковскаго».

Въ этомъ письмѣ нельзя, конечно, искать всесторонней оцѣнки поэзіи Жуковскаго, но оно замѣчательно какъ документъ, свидѣтельствующій о вліяніи Жуковскаго на то поколѣніе, къ которому принадлежалъ Плетневъ. Люди этого поколѣнія видѣли въ Жуковскомъ поэта, не только равнаго Пушкину, но и превосходившаго его по своему поэтическому размаху. Въ письмѣ Плетнева можно, однако, найти и вѣрные критическія мысли. Жуковский былъ, конечно, въ сравненіи съ такимъ солнцемъ поэзіи, какъ Пушкинъ, звѣздой второй величины, но въ его храмѣ, дѣйствительно, зажглись свѣчи на алтаряхъ божества всѣхъ народовъ древняго и новаго міровъ. Очень мѣтко и сравненіе поэзіи Жуковскаго съ разливомъ Нила, который ушелъ въ свои берега, а между тѣмъ, безъ него зачала бы цѣлая страна: «Можетъ быть, Жуковскаго и забудутъ, но то, что онъ внесъ въ нашу литературу, развито ее неизмѣнно». Вторая часть этого афоризма безусловно справедлива, но этого нельзя сказать о первой. *Всего Жуковскаго въ Россіи никогда не забудутъ.*

Его стиховъ пѣвнѣйшая сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль.

* «Волжскій Вѣстникъ» 20 марта, № 64.

Вѣковъ завистливую даль пройдетъ не одна сладость поэзіи Жуковскаго, но и я болѣе сильная—та сила, которую испускаютъ многія стихотворенія поэта, воспевающія русское политическое самосознаніе и все, что примыкаетъ къ нему... IX.

Говоря о Жуковскомъ, нельзя не вспомнить воспоминаній Тургенева о невольномъ поэтѣ:
Живя—вскорѣ послѣ двѣнадцатаго года,—въ своей деревнѣ, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, онъ нѣсколько разъ посѣтилъ мою матушку—тогда еще дѣвицу—въ ея Мценскомъ имѣніи; сохранилось даже преданіе, что онъ въ одно изъ домашнихъ спектаклей игралъ роль волшебника, и чуть ли не видѣлъ я самый колапсъ его съ золотыми звѣздами—въ клавирной родительскаго дома. Но съ тѣхъ поръ прошла долгие годы—и, вѣроятно, изъ памяти его изгладилось самое воспоминаніе о деревенской барышнѣ, съ которой онъ познакомился случайно и мимолетомъ. Въ годъ переселенія нашего семейства въ Петербургъ—мнѣ было тогда 16 лѣтъ—моей матушкѣ вздумалось напомнить о себѣ Василію Андреевичу. Она вышла ко дню его имѣя въ красную бархатную подушку и послала меня съ нею къ нему въ Зимній дворецъ. Я долженъ былъ называть себя, объяснить, чей я сынъ, и поднести подарокъ. Но когда я очутился въ огромномъ до тѣхъ поръ мнѣ незнакомомъ дворцѣ; когда мнѣ пришлось пробираться по каменнымъ длиннымъ коридорамъ, подниматься на каменные лѣстницы, то и дѣло натѣкалось на неподвижныхъ, словно тоже каменныхъ, часовыхъ, когда я, наконецъ, отыскалъ квартиру Жуковскаго и очутился передъ трехъ-аршиннымъ краснымъ лакеемъ съ галунами по вѣсьмъ швамъ и орлями на галунахъ—мною овладѣлъ такой трепетъ, я почувствовалъ такую робость, что, предъставъ въ кабинетъ, куда пригласилъ меня красный лакей и гдѣ изъ-за длинной конторки глануло на меня задумчиво-привѣтливое, но важное и нѣсколько изумленное лицо самого поэта—я, несмотря на всѣ усилія, не могъ произнести звука: языкъ, какъ говоритъ, прильнулъ къ гортани, и, весь сгорая отъ стыда, едва ли не со слезами на глазахъ, я остановился, какъ вкопанный, на порогѣ двери, и только протягивалъ и поддерживалъ обѣими руками—какъ младенца при крещеніи—несчастную подушку, на которой, какъ теперь помню, была изображена дѣвица въ средневѣковомъ костюмѣ, съ погупаемъ на плечахъ. Смущеніе мое, вѣроятно, возбудило чувство жалости въ доброй душѣ Жуковскаго, онъ подошелъ ко мнѣ, тихонько взялъ у меня подушку, попросилъ меня сѣсть и снисходительно заговорилъ со мною. Я объяснилъ ему, наконецъ, въ чемъ было дѣло,—и, какъ только могъ, бросился бѣжать.

«Уже тогда Жуковский, какъ поэтъ, потерялъ въ глазахъ моихъ прежнее значеніе; но все-таки я радовался нашему, хотя и неудачному свиданію, и, придя домой съ особеннымъ чувствомъ припоминанья его улыбку, ласковый звукъ его голоса, его медленнаго и пріятнаго движенія. Портреты Жуковскаго почти всѣ очень похожи; физиономія его не была изъ тѣхъ, которыя уповать трудно, которая часто мѣняется. Конечно, въ 1843 году въ немъ и сѣдѣ не оставалось того болѣзненнаго юноши, какимъ представлялся воображенію нашихъ отцовъ. Тѣмъ же въ станѣ русскихъ воиновъ», онъ сталъ осязательнымъ, почти полнымъ человѣкомъ. Лицо его, слегка припухлое, молочнаго цвѣта, безъ морщинъ, дышало спокойствіемъ; онъ держалъ голову наклонно, какъ бы прислушиваясь и размышляя; тонкіе, жидкіе волосы всходили косицами на совсѣмъ почти лысый черепъ; тихая благодать свѣтилась въ углубленномъ взглядѣ его темныхъ, на китайскій ладъ приподнятыхъ глазахъ, а на довольно крупныхъ, но правильно очерченныхъ губахъ, постоянно присутствовала чуть замѣтная, но искренняя улыбка благоволенія и пріятія. Полуострое происхожденіе его (мать его была, какъ извѣстно, турчанка) сказывалось во всемъ его обликѣ».

Характеристика Жуковскаго, сдѣланная Тургеневымъ по юношескимъ воспоминаніямъ, стоитъ прекрасно написаннаго портрета. Душа Жуковскаго была дѣйствительно проникнута тихой благодатью, благоволеніемъ и пріятіемъ.

ловину пустой. Несомнѣнно, однако, что выставленные рисунки—капля въ морѣ другихъ рисунковъ Жуковскаго. Вблизи Историческаго музея, въ Румянцевскомъ музѣе въ настоящее время временно находится одна въ высшей степени замѣчательная коллекція рисунковъ Жуковскаго, около 250 №№ 1837 года. Изъ писемъ Гоголя, Жуковскаго, Смирнова и друг. лицъ извѣстно, что Жуковский въ Швейцаріи, въ Римѣ, вообще, заграничѣ, въ 1821, 1839 и др. годы срисовывалъ виды, причемъ въ 1839 г. Гоголь былъ изумленъ быстротой его работы.

И то немногое, что дано на выставкѣ, показывается, что Жуковский былъ отличный рисовальщикъ, хорошо владѣлъ перомъ и карандашомъ, большой мастеръ въ акварели. Къ заграничнымъ рисункамъ относится «Монастырь капучинокъ» съ датой 18 янв. 1839 г. Лучшія акварели—нѣсколько изображеній играющаго на роялѣ Майера и старухи Протасовой. Изъ рисунковъ перомъ и карандашомъ можно отмѣтить нѣсколько женскихъ эскизовъ. Дыханіемъ жизни являются юмористическія надписи Жуковскаго: на одномъ рисункѣ: «Г. Майеръ галлопируетъ на Бетховенѣ» (играетъ усиленно на роялѣ), на другомъ: «Молодая дѣвица, передающая сердце свое почтовой бумагой». Вопреки господствующему мнѣнію о Жуковскомъ, какъ о поэтѣ неизменно грустномъ и меланхолическомъ, въ поэзіи, и въ рисункахъ и въ письмахъ его встрѣчается много добродушнаго юмора, во всѣ периоды его жизни, не только въ молодости, въ Арзамасѣ, но и въ старости въ сороковыхъ годахъ, какъ

Х.
Изъ материаловъ для біографіи Жуковскаго, появившихся въ послѣднее время, первое мѣсто занимаютъ, несомнѣнно, «Записки» А. О. Смирновой, не смотря на то, что онѣ изданы не во французскомъ подлинникѣ, а въ русскомъ переводѣ, и не цѣлкомъ, а въ извлеченіяхъ.
Читая «Записки» А. О. Смирновой, мы какъ бы видимъ и слышимъ самого Жуковскаго, бесѣдующаго въ гостинной урной и наблюдательной фрейлины Супруги Императора Николая Павловича, Императрицы Александры Ѣеодоровны, съ Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Гоголемъ. Жуковский принадлежалъ къ числу друзей Смирновой и она на каждой страницѣ упоминаетъ о Жуковѣ, Бычкѣ и sweet William. Всѣ эти прозвища, слѣдующія обыкновенно петербургскаго и берлинскаго дворовъ начала царствованія Императора Николая I, она сама дала Жуковскому. Объ отношеніяхъ А. О. Смирновой къ Жуковскому можно судить по ея замѣткѣ, набросанной въ 1844 году во Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Эта замѣтка начинается такъ:

«Я послала сказать Жуковскому, что пріѣхала. Онъ сейчасъ же пріѣхалъ въ Гоголемъ. Потолстѣлъ, совсѣмъ не постарѣлъ, все тотъ же добрякъ. Онъ вошелъ, говоря: «Voilà votre boeuf, votre sweet William, oh! Mon eternelle Princess!» Расцѣловались, какъ на Пасхѣ».

XI.
Къ біографіи графа Д. Н. Влудова, написанной Е. П. Ковалевскимъ, приложены, между прочимъ, «Мысли и замѣчанія графа Влудова» о разныхъ философскихъ, политическихъ, литературныхъ и житейскихъ вопросахъ. Между ними находимъ и нѣсколько строкъ о Жуковскомъ, показывающихъ, какое благотворное вліяніе имѣлъ поэтъ на современниковъ, и какъ писатель, и какъ человѣкъ.

«Чувство благодарности такъ сладостно, что я желалъ бы распространить его за обыкновенные предѣлы, то есть, на благодѣтелей безъ намѣренія. Тогда мы будемъ съ удовольствіемъ счастливой любви смотрѣть и на красоты природы и на произведенія искусствъ, ихъ отражающія. О, Жуковский,—если-бы я не имѣлъ къ тебѣ чувства дружбы, съ чувства, въ коемъ все сливается, и почтеніе къ благородной душѣ твоей, дѣятели отъ всѣхъ пороковъ побужденіи, и безцѣнное ощущеніе твоей любви! наконецъ, и воспоминаніе первыхъ лѣтъ и надеждъ, Жуковский, я бы еще любилъ тебя за минуты, въ которыя оживлялись твоими стихами, какъ увядшія цвѣтки, что возвращеніи свѣжкимъ воздухомъ».

Эти строки навсегда останутся краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что Жуковский имѣлъ возвышающее вліяніе на многихъ и многихъ. Онъ въ правѣ былъ бы сказать о себѣ, подобно Пушкину:

И долго буду тѣмъ народу я любящий,
Чье чувства добрыя я лирой возбуждалъ».

Добрыя чувства, которыя возбуждала поэзія Жуковскаго у людей 20-хъ и 40-хъ годовъ, она возбуждала и нынѣ, да и всегда будетъ возбуждать. Какъ мѣтко сравненіе стиховъ Жуковскаго со свѣжкимъ воздухомъ, живоительно дѣйствующимъ на увядающій цвѣтокъ! Графъ Влудовъ испытать по собственному опыту, что «очаровательная музыка» поэзіи Жуковскаго составляетъ превосходныя средства противъ той «моральной болѣзни», въ которой каменѣютъ всѣ способности души и ума, и какъ бы утопаютъ въ какой-то пустотѣ: «Случай привелъ мнѣ на память стихи Жуковскаго, давно не читанные, и я почувствовалъ свое сердце».

Влудовъ въ тѣхъ поръ далъ себѣ слово вѣрнѣе очаровательной музыкой Жуковскаго отъ окамененнаго нечувствія, которое не даетъ смерти, но отнимаетъ жизнь.

Прізнанія графа Влудова цѣны всего болѣе потому, что они показываютъ дѣйствіе, которое производило поэзія Жуковскаго на душу. Эти признанія заслуживаютъ особеннаго вниманія еще и потому, что они были сдѣланы члѣвомъ выдающихся дарованій и большого жизненнаго опыта.

Н. Черняевъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ТРИПОЛИ.

(Отъ нашего корреспондента).

6.

Въ началѣ 1899 года въ приморскій городокъ Дерна пріѣхало нѣсколько че-

любопытныя письма съ рисунками къ графинѣ Ю. О. Барановой, изданныя въ послѣдній апрѣльской книжкѣ «Русской Старины».

Если на выставкѣ Жуковскаго недостатка много такого, что къ нему непосредственно относится, то съ другой стороны, есть кое-что лишнее. Лишнимъ мы считаемъ, напримѣръ, нѣсколько рисунковъ Шевченка, такъ какъ никакого отношенія къ Жуковскому они не имѣютъ. Лишнимъ мы считаемъ портретъ крѣпостного владѣльца Шевченка—помѣщика Энгельгардта. Карлъ Великій тогдашней эпохи, вѣроятно, вѣдѣлъ одно время переговоры съ Энгельгардтомъ о выкупѣ Шевченка, вынесъ лишь то заключеніе, что Энгельгардтъ—«амфибій» или «самая крупная свинья въ торжковскихъ тудляхъ».

Гоголевская выставка, сравнительно съ выставкой Жуковскаго, гораздо болѣе содержательна, благодаря, между прочимъ, тому, что ей предшествовало гоголевская выставка въ Нѣжинѣ, устроенная проф. М. Н. Сперанскимъ. Въ Москвѣ, къ тому, есть не мало лицъ, спеціально изучавшихъ Гоголя, напримѣръ, В. И. Шенрокъ, давно уже завоевавшій въ этомъ отношеніи почетную извѣстность, и проф. А. И. Кирпичниковъ, редактировавшій послѣднее ситинское изданіе, съ цѣннымъ въ началѣ «Опытномъ хронологическомъ календарѣ біографіи Гоголя», построеннымъ на детальномъ изученіи жизни гениальнаго писателя.

Гоголевская выставка состоитъ преимущественно изъ портретовъ писателя, моделей его памятника и иллюстрацій къ

повѣкъ европейцевъ. По предъавленію, по правиламъ, своихъ паспортовъ мѣстному каймакуму, они безпрепятственно были пропущены въ городъ. Событіе это, не представлявшее само по себѣ ничего особеннаго, не привлекло никакого вниманія. Новѣе прибывшіе изрѣдка стали появляться на базарѣ, пріобрѣтая разныя вещи, преимущественно издѣлія города, или же проводили время въ бесѣдѣ съ содержателями кофейни, куда ходили пить кофе. Почти всѣ они говорили довольно сносно по-арабски, но двое говорили на этомъ языкѣ такъ хорошо, какъ будто бы этотъ языкъ былъ ихъ родной. Спустя нѣкоторое время они переодѣлись въ мѣстные національные костюмы и совершенно смѣшались съ населеніемъ города. Очевидно, какое-нибудь особенное обстоятельство побуждало ихъ къ этому. Этимъ обстоятельствомъ было желаніе основательно познакомиться съ провинціей Барка. Только спустя полгода, когда европейскіе гости благополучно возвратились на родину, въ Триполи стала извѣстна цѣль ихъ пребыванія въ городѣ Дерна и, вообще, въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ городу. Какъ оказалось, это были европейскіе ученые, имена которыхъ, къ сожалѣнію, не сохранились въ провинціи. Они пріѣхали въ страну съ спеціальною цѣлью изучить извѣстный на материкѣ орденъ сенусіевъ, основанный еще въ половинѣ 19-го столѣтія.

Въ видѣ интереса, какой представлялъ собою эта новая секта, и того нравственнаго вліянія, какимъ пользуется она на африканскомъ материкѣ, мы и посвятимъ ей это письмо.

Прежде всего, орденъ сенусіевъ уничтожилъ примитивное гостеприимство среди арабовъ, въ силу котораго хозяинъ дома уступалъ свои супружескія права гостю. Объ этомъ обычаѣ особенно распространялись Геродотъ, отецъ исторіи, и путешественникъ Бартъ. Уничтоживъ это странное правило гостеприимства, новое ученіе заставило туземцевъ совершенно измѣниться въ смыслѣ ихъ исконнаго характера. Они уже болѣе не славятся радушіемъ и добросердечностью, о которыхъ съ такою любовью повѣствуетъ отецъ исторіи, а, наоборотъ, стали суровыми и непривѣтливими.

Вотъ какъ рассказываютъ на материкѣ объ основателѣ этого, теперь столь могущественнаго, духовнаго ордена.

Приблизительно въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія алжирскій шейхъ Селуи-эль-Меджагири, благодаря своему подвижничеству и строгимъ правиламъ жизни, принужденъ былъ покинуть Мекку, гдѣ у него накопилась масса сѣкскихъ враговъ, и явился искать убѣжища въ Бенгази. Черезъ нѣкоторое время онъ основалъ, приблизительно къ западу отъ Кирены, въ Эль-Вейдѣ, первую заиру, т. е. первое духовное собраніе. Здѣсь же въ скорости появились монастыри мечети, школа, больница, крѣпость и, такъ сказать, создался культурный центръ. Крайне впечатлительные арабы стали поспѣвать шейха стекаться въ этотъ центръ и быстро населять предмѣстья. Спустя мѣсяцевъ пять появились и другіе протестанты, преимущественно алжирцы, которые, какъ и самъ святой, жаждали найти пути къ спасенію и, конечно, были хорошо приняты первымъ шейхомъ. Постепенно возникали новые монастыри и въ другихъ частяхъ страны, и не прошло нѣсколько лѣтъ, какъ вчерашніе гости сдѣлались прочными хозяевами или, вѣрнѣе, господами страны.

Такъ, напримѣръ, въ 1851 году извѣстному путешественнику Гамильтону пришлось серьезно защищаться отъ этихъ фанатиковъ. Если мы посмотримъ на современное положеніе этой провинціи, то увидимъ слѣдующее замѣчательное явленіе. Въ настоящее время не только въ провинціи Барка, но даже въ Бенгази, гдѣ развѣваются консульскіе флаги европейскихъ державъ, главнымъ и важнымъ лицомъ города считается не мутесарифъ, назначенный и утвержденный самимъ султаномъ, а прокуроръ, или, какъ называютъ его здѣсь, уکیلъ шейха сенусіевъ, которому оттоманское правительство уступило свое право отправлять правосудіе. Изъ этого факта можно видѣть, какая власть сосредоточивается въ рукахъ этой секты. Не мудрено послѣ того, если ни одинъ изъ губернаторовъ не дерзаетъ предъявлять свои настоящія права, будучи глубоко увѣренъ, что онъ, въ случаѣ сопротивленія, исчезнетъ немедленно, яко

его произведеніямъ (Боклевскаго, Лебедева, Вочарова, Михшина и др.).

Любопытно прослѣдить по портретамъ измѣненія въ наружности Гоголя. Красота Гоголя никогда не отличалась, но у него были красивыя свѣтлыя волосы, падашіе на плечи, и довольно красивыя, умные глаза. Въ молодости Гоголь франтилъ и не всегда улачно. При низенькомъ ростѣ и непомѣрно длинномъ и остромъ носѣ, его франтовитость производила комическое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что гениальный писатель, отвлечаясь въ мысляхъ въ высшій творческій міръ, не соблюдалъ ни мѣры, ни фасона, и, по воспоминаніямъ Лонгинова, соединялъ иногда цѣлостно съ неряшливостю. Въ молодости Гоголь завивалъ волосы и выпускалъ спереди хохолотъ, въ формѣ булки. Такова была мода, и Гоголь во многихъ портретахъ выглядываетъ задорно, «пѣтушкомъ», по словамъ одного его современника. На выставкѣ была красная бархатная жилетка. По свидѣтельству современниковъ, Гоголь любилъ яркіе цвѣта, зеленый фракъ, коричневые ботинки, ярко-пестрый галстучекъ, дома работалъ иногда въ бархатномъ малиновомъ колпачкѣ, но, по капризу, онъ иногда облакался во все черное, или во все бѣлое. Когда наступилъ духовный переломъ, и силы пошли на убыль, наружность Гоголя измѣнилась, что отразилось и на его позднихъ портретахъ. С. Т. Аксаковъ замѣчаетъ въ своемъ воспоминаніи о знакомствѣ съ Гоголемъ, что къ сорокавымъ годамъ наружность Гоголя сильно измѣнилась; черты лица получили другое, болѣе мягкое выраженіе. Въ глазахъ вы-

дѣлись... По свѣдѣніямъ, имѣющимся у членовъ этого ордена, глава ихъ насчитываетъ въ своемъ личномъ распоряженіи около 30,000 хорошо вооруженныхъ пѣшихъ и конныхъ воиновъ, помимо разныхъ хуановъ или братьевъ и ихъ служителей, размѣщенныхъ въ двадцати заиуяхъ.

Почти по всей странѣ, не исключая и сосѣднихъ странъ,—Туниса и Алжира, т. е. иными словами—повсюду, можно встрѣтить невольниковъ и даже животныхъ съ печатомъ братства, заклеяменныхъ именемъ Аллаха.

Самъ шейхъ давно уже не живетъ въ странѣ, удалившись отсюда благоуравно, въ шестидесятыхъ годахъ, чтобы быть подальше отъ зоркихъ глазъ гуауловъ, такъ глубоко имъ презираемыхъ. Въ тѣ времена, еще не будучи такимъ могущественнымъ, какъ сдѣлались впоследствии, шейхъ поселился въ оазисѣ Фаредга, который, хотя и считался официально принадлежащимъ Египту, но на самомъ дѣлѣ находился внѣ черты власти вице-королевскаго правительства. Иными словами, шейхъ выбралъ себѣ такое удобное мѣсто, въ которомъ ему не были страшны ни султаны, ни хедивы.

Долгое время мѣстомъ пребыванія шейховъ ордена сенусіевъ былъ Некрополь, фантастически высѣченный въ скалѣ. Современный шейхъ уже никого не боится и въ своей столицѣ Джаребуѣ имѣетъ обширныя монастыри и казармы. Здѣсь есть арсеналы и склады, которые главнымъ фасадомъ своимъ выходятъ на озеро Фаредга.

Оазисъ Фаредга представляетъ собою въ настоящее время центръ духовной имперіи. Онъ простирается, съ одной стороны, до Сенегала, съ другой—до Мессопотамии. Все это огромное количество подданныхъ находится въ полномъ и безпрекословномъ повиновеніи шейха, которые, по мѣткому выраженію одного арабскаго писателя, «въ рукахъ своего повелителя, слѣдники Сенуси такъ же безвольны, какъ трупъ въ рукахъ омывателя мертвцовъ».

Послѣ смерти перваго шейха сенусіевъ, въ 1859 году сынъ его сдѣлался безспорнымъ и полноправнымъ повелителемъ всѣхъ хуановъ мусульманскаго міра, т. е. всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе причисленъ къ этому ордену. Всѣ эти многочисленные подданные видятъ въ своемъ шейхѣ, какъ и сейчасъ,—Махди, т. е. вожда Аллаха, посланнаго на землю для возстановленія могущества ислама.

Собственно говоря, секта сенусіевъ, какъ будто бы, не преслѣдуетъ никакихъ политическихъ цѣлей и идеалъ ихъ стремленій можно выразить нѣсколькими словами. Они стремятся соединить всѣ правовѣрные, духовные ордена воедино, т. е. въ одно органически цѣлое, и не преслѣдуютъ никакой свѣтской власти. Такъ, напримѣръ, они осуждаютъ насилие и учатъ своихъ гонимыхъ братьевъ безпрекословно покоряться вѣселямъ дѣлающимъ и гонимымъ вплоть до смерти въ странѣ, подвластной христіанамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они учатъ тѣхъ же братьевъ всѣми силами стремиться создавать все новыя и новыя заиуи. Не признавая и даже осуждая политическую агітацію, сенуси, однако, всѣми силами стремятся къ личной независимости, и это стремленіе создаетъ имъ такую крѣпкую организацию, что они дѣлаются гораздо болѣе опасными врагами для цивилизаціи, чѣмъ тѣ племена, которая за каждый пустякъ готовы къ возстанію. Сила и вліяніе этого ордена заключаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что его adepty, своимъ поведеніемъ, незлобно привлекаютъ къ себѣ все болѣе и болѣе число послѣдователей. Такъ, напримѣръ, овладѣвъ однажды нѣкоторую мѣстность, они выкупаютъ на собственныя деньги партію невольниковъ, которыхъ вѣли на продажу въ Египетъ, и, отославъ ихъ обратно на родину, создали себѣ, въ лицѣ этихъ несчастныхъ, лучшихъ и преданнѣйшихъ миссіонеровъ. Не мудрено, конечно, послѣ этого, если аудайскій султанъ считается теперь не меньше, какъ простымъ наемникомъ Джаребубскаго Махди, потому что всѣ бывшіе подданные султана давно уже присоединились къ ордену.

До сихъ поръ власть сенусіевъ еще не подвергалась опасности быть уничтоженной, такъ какъ не только мѣлкіе вѣстельники африканскаго материка, но главъ съ египетскимъ хедивомъ, но даже болѣе или

ражалась доброта, а когда Гоголь задумывался, то обнаруживалось серьезное устремленіе къ чему то высокому.

Ф

менее организованная власть оттоманского правительства ничего не могут с ними сделать.

Но с тех пор, как появились европейцы, а вместе с ними неизбежная роскошь и разная приспособленность к удобной жизни, горожане в Бессарабии, в особенности более богатые из них, не так уже строго относятся к уставу орден. Пять лет тому назад нельзя себе было и представить, чтобы какой-нибудь хуант, т. е. сенусиэт открыто курил на улице. Теперь же сплоско да рядом можно встретить не только курящего хуана, но даже и эфюпьяна. Хотя это обстоятельство, конечно, не дает еще права сказать, что могущественный орден сенусиэтов близок к распаду, тем не менее вышеприведенные факты могут навести на серьезные размышления. Во всяком случае, эти фанатичные панисламисты играли пока в руку турецким идеалистам, и если итальянцы и встретят какое-нибудь серьезное сопротивление, то исключительно лишь в лице правых сенусиэтов.

С недавних пор, так приблизительно в начале 1899 года, в стране появились какие то таинственные эмиссары, возбуждающие население против европейцев. Но, к их горькому разочарованию, они не встретили сочувствия у хуанов, так как в принципе этого ордена все-таки лежало не насилие, а гуманность и человеколюбие.

Духовное братство это рассуждало так: турки, а равно и египтяне никакой пользы нам не приносят, напротив — они всегда преследуют нас; в виду того, что наш орден не запрещает жить в стране, принадлежащей христианам, мы, следовательно, ничего против европейцев иметь не можем. Дело дошло даже до того, что в некоторых местах этих эмиссаров, как подстрекателей, ловили и, не мудруясь лукаво, представляли властям. Между прочим, жители очень удивлялись, что поймавшие не задерживали, а куда то быстро сплавляли. Таким образом, делается очевидным, что стремления старших турок не наши себя почва в Триполитанской области. У них, пожалуй, одни и те же стремления, но они идут к ним диаметрально противоположными путями. Старый турок желает уничтожить все немусульманское, а последователи шейха Сенуси-эль-Меджагири желают мечу — мирным путем соединить всех мусульман и сблизить обладателей мира. А познакомясь с сосланными туда миссионерами разных отрядов, хуаны еще больше уверились в своем высоком призвании и не на шутку мечтают о наступлении вновь времени Махмуда II.

Таковы приблизительно в общих чертах знаменитые сенуси.

М. Туапсе.

Муниципальные выборы.

Вопрос о привлечении квартиронемателей к обложению в пользу городов давно уже стоит на очереди. Независимо от чисто финансовых соображений, — усиления средств в городских кассы, от этого проекта реформы городских выборов ожидается улучшение и самого городского хозяйства, так как в ведении его примут участие образованные классы, стоящие в умственном отношении, несомненно, гораздо выше нынешних малокультурных гласных из купечества. Это положение, от многократного его повторения, обратилось уже в ходячую истину, в верности которой никто не выражал сомнений. Тем не менее, в последние годы, в Бессарабии, в Орбеев и Рязани, которые невольно навели на сомнение в целесообразности средства, заключающегося в усилении влияния интеллигенции в состав гласных городских дум.

Орбеев — уездный город Бессарабской губернии, с 13.356 жителями и упрощенным городским положением. При выборах уполномоченных для ведения городского хозяйства, избиратели заблуждались, в состав гласных городских дум: члена уездного суда, адвоката, помещика и т. п., и избрали бубличника, цирюльника, каменщика, мясника и проч., среди которых оказалось только 2—3 человека грамотных. Если бы дело ограничивалось одним уездным городом Бессарабии, можно было бы предположить,

что преобладающая масса молдаван — избирателей предпочла своих излюбленных землекоп-рабочих нашему элементу интеллигентных лиц, какими являются члены суда и адвокаты, но почти одновременно с орбеевскими выборами нечто подобное же представил губернский город центральной России, Рязань, имевший почти сорок пять тысяч жителей, избравший городских головой неграмотного „почетного гражданина“ Г. И. Солодова. Это не было какое-нибудь случайное избрание, а, несомненно, вполне сознательное, так как он получил только семь неизбирательных шаров против 132 избирательных. Указанные два примера невольно заставляют задуматься над судьбами нашего городского хозяйства.

По нашему законодательству, грамотность не принадлежит к числу условий, от которых зависит участие в выборах и способность быть избранным в гласные думы. Комиссия, которой циркуляром Министра Внутренних Дел 1862 года было предложено представить свои соображения относительно улучшения общественного управления в городах, высказалась за необходимость устранения совершенно неэффективных элементов, если не из состава избирательных собраний, то по крайней мере, из состава дум. Такое постановление не содержало в себе, однако, ни городского положения 1870 года, ни предшествовавшие ему проекты. В сводный мифный об изменении в городском положении 1870 года также указывалось на грамотность, в смысле знания русской грамоты, как на желательное условие избрания в гласные. С другой стороны, указано было на то, что требование это будет стеснительно для большинства уездных городов и посадов, и повелевалось к тому, что гласными будут избираться одни и те же лица. И все это — по старому, а в результате неграмотный голова в губернском городе с 45 тысячами жителей. Факт высококультурный для XIX века!

По отчету газеты „Курьер“, между избранными 14 февраля рязанскими городскими головами лесоторговцем Г. И. Солодовым и гласными думы происходил такой разговор: „благодаря вас за честь избрания — говорил новоизбранный городской голова, — но вы, вбыв, знаете хорошо, что я человек неграмотный... и если все-таки желаете, чтобы я служил, то прошу дать мне слово, что вы, г. гласные, будете извещать мои ошибки... Конечно, если что по хозяйству... то по хозяйству я могу... Гласные были тронуты скромностью нового городского головы и порешили отложить решение многих „хозяйственных“ думских дел до вступления в должность Г. И. Солодова. Этими же „хозяйственными“ делами можно, пожалуй, объяснить и избранье неграмотного уполномоченных для ведения орбеевского городского хозяйства.

Если проследить за историей развития русских городов, то мы везде найдем одну общую черту: всегда и везде в благо культуры: мостов, водопроводов, освещение и т. п. достаются на долю центра, тогда как окраины, населенные наименее состоятельными лицами, живут при „естественных условиях природы“. Эти пасынки городов, при нынешнем городском положении, не имеют своих представителей в городской думе и их интересы некому отстаивать. Трудно сказать, чтобы условия эти изменились к лучшему с пополнением состава дум интеллигентными квартиронемателями. Податный ценз будет, несомненно, на столько велик, что в избиратели, а следовательно, и в избираемые попутцы, конечно, не жители окраины, а исключительно хозяева дорогих квартир в центральных частях города, не только прямо не заинтересованные в улучшении условий жизни на окраинах, но даже совершенно не знающие их. Не то было при действии городского положения 1870 года, когда третий разряд избирателей составляли мелкие ремесленники, или, как их называли, „черная сотня“. Правда, эта „черная сотня“ шла по большей части в свиты крупных купцов и поддерживала все их интересы, но не раз бывало, что сотня эта посылала в думу гласных из не особенно богатых ин-

Наша Харьков с электрическим освещением на некоторых окраинах и со скверными садами в центре сохраняла исключение, но даже и это служило к благополучию населения.

интеллигентных лиц, которые отстаивали их интересы, и которые приобретали ценз за взятые за 10—15 рублей промыслового свидетельства или покупкой домика на курьих ножках. Нам еще в памяти еще время, когда московская городская дума хотела выбрать городским головою известного профессора, и ему было предложено приобрести старый деревенный дом на окраине.

Орбеевские выборы, до известной степени, служат предостережением от излишнего увлечения образовательным цензом городских гласных. Не даром же Г. И. Шрейдер, в своей интересной работе о нашем городском управлении, отмечает, что допущение в думы квартирантов, платящих не менее двух тысяч рублей за квартиру и получивших среднее или высшее образование, может повести не к ослаблению, а к усилению классовых тенденций в городских думах. Орбеевцы взглянули на дело чисто практически: признавая, что образование не гарантирует широкого внимания к „меньшему брату“, они решились послать в думу своих, в надежде, что те не выдадут.

В рязанских и орбеевских выборах нельзя не видеть серьезного предостережения нашим муниципалитетам.

—В—ИЧ

Торжественное собрание совета харьковского университета и историко-филологического общества.

Вчера, 23-го апреля, в час дня, в актовом зале университета, состоялось торжественное собрание совета университета и историко-филологического общества, посвященное памяти В. А. Жуковского, по случаю 50-летия со дня его смерти.

Зал был роскошно убран тропическими растениями, среди которых на эстраде помещалась большая статуя поэта и под ним его портрет, окруженный лавровым венком. В собрании, в числе многочисленной публики, присутствовали: губернатор князь И. М. Оболенский, генерал-майор 10-го армейского корпуса, генерал-лейтенант К. К. Случевский, почетный член округа М. М. Алексеев, городской голова А. К. Погорелько, профессора и студенты.

Ректор университета Н. О. Куплеватский в краткой речи сказал, что совет университета и историко-филологическое общество, признавая важное значение Жуковского, решило посвятить настоящее заседание его памяти. Указав на то, что поэзия и личность великого поэта известны каждому, что всякий образованный человек знает, как поэт относился к ближним, Н. О. Куплеватский упомянул, что Жуковский был воспитателем достойного вечною благодарности Императора Александра II, и закончил свою речь, сказав, что настоящее заседание есть пожелание, чтобы поэтическая мысль и творчество поэта имели то же значение, как и в прежние времена, и направлялась к нравственно-умственным общественным целям.

После исполнения студенческим оркестром „Серенады“ — Фолькланга, профессор Н. О. Сумцов произнес речь. „В. А. Жуковский, как филантроп“. Мы, русские люди должны благодарно чтить память Жуковского и тщательно изучать его поэзию. Жуковский, действительно, одна из выдающихся и благороднейших личностей. Выше всего он стоял как человек. Поэт жил в тот век, который Пушкин назвал „жестоким“, в народ господствовало крепостничество, в армии — непобедимая строгость. Одна из самых красочных страниц в биографии Жуковского — это отношение его к поэтам и художникам. Батюшков, например, очень дорожил советами Жуковского и под его влиянием изменил направление своей поэзии и более строго стал относиться к нравственным вопросам. Отношения Жуковского к Пушкину настолько хороши известны, что на них нет надобности останавливаться. Трогательная любовь Жуковского к великому поэту проявлялась не только при жизни, но и по смерти Пушкина. Жуковский снял с лица умершего друга гипсовую маску, заведывая печальным образом его похорон, описав последние часы его жизни. Гоголь особенно был обязан Жуковскому. По при-

езде в первый раз в Петербург по предложению Гоголя было настолько затруднительно, что он думал: не вернуться ли обратно в Малороссию? Жуковский пристроился же на службу, в значительной степени содействовал, чтобы, для сохранения здоровья, отправить его в заграничное путешествие, тщательно и старательно обставил это путешествие и постоянно следил за Гоголем. В участии несчастного поэта Козлова, на 43-м году жизни разбитого параличем и потерявшего зрение, никто не принимал такого близкого участия, как Жуковский. Из-заграничия он писал ему литературно-обработанные письма, чтобы развлечь его. Могла Жуковского находить рядом с могилой Козлова. Но этими именами не исчерпывается высокогуманитарная деятельность Жуковского. Особенно широкую помощь он оказывал в 1837—38 гг. Он хлопотал о декабристах, о Герцене, всеми силами отстаивал Пушкина, хлопотал о выпутке из рабства Шевченко, поддерживал Квитку, помогал профессору Максимовичу, Гоголю, хлопотал за художника Иванова. Жуковский собирал средства для помощи студентам — славянам, он поддерживал художников Брюллова, Айвазовского и многих других, как русских, так и иностранных. Короче говоря, он относился ко всем с высшей степенью гуманности. Когда Жуковский жил в Зимнем дворце, его подвезды были всегда наполнены бедняками. Если у него не было своих средств, он обращался к богатым друзьям, а в крайних случаях, к особам Императорского Дома. В своих филантропических стремлениях Жуковский был в высшей степени настойчив. Примею тому следующие: Н. И. Тургенев, хотя и хорошо знал дело декабристов, но 14 декабря был заграничьем. Его потребовали в Россию, но он не явился и был осужден заочно. Жуковский упорно за него ходатайствовал и успел в этом. Другой пример: Киреевский должен был подвергнуться наказанию за изданную им книжку „Декабристы“. Жуковский хлопотал за него, но безуспешно. Тогда он прекратил занятия с Наследником, это было оценок и Киреевский наказанию не подвергся. Жуковский одинаково гуманно, если можно так выразиться, относился к живым и к мертвым. Он скорбел с теми, кто понес потерю, хлопотал о похоронах, шествовал за гробом. Жуковский выше всего стоял как человек и все остальные его качества были отражением его прекрасной и благородной души.

По окончании этой речи студенческий хор исполнил „Хвалу тебе наш дивный гений“ — гимн в честь В. А. Жуковского, слова Гаврилова, музыка Гинзбурга. Гимн очень красиво написан, в особенности вторая часть его: solo тенора с аккомпанементом хора. Затем приват-доцент С. В. Островский произнес речь: „Взгляды В. А. Жуковского на поэзию“. Указав на то, что поэзия, которое певец имитировать в среднем веке, оратор сказал, что в то время поэзия была свободна, на ней испытывались поэты, возродились; потом средне-вековая студия славилась ложно-классической школой поэтов являлись деятелями стихов, особенно ценились панегристы и одославатели. Франция в это время имела влияние на Русь. Затем в грешную эпоху России вливается новая струя. Среди поэтов явилось новое мироощущение и изменился взгляд на поэзию. Было признано, что поэзия должна быть свободной, поэты начали сознавать не только свои права, но и свои обязанности к людям. Новый мир в поэзии показал Жуковский. Немецкая романтика нашла в нем отклик, эстетический тон был ему свойствен, отеческого чего и виден в его первом произведении „Сельское кладбище“. В этом стихотворении сказывается понимание истинной поэзии: жить не одним настоящим, но и прошедшим. Отличительная черта поэзии Жуковского — его задушевность. Статья Жуковского „О нравственной пользе поэзии“ указывает, что он признает свободу за поэтическим творчеством. Его поэзия рождена из мирного воспоминания о пережитом. Он понимал, что с поэзией отходят все невзгоды жизни, он признавал поэзию „величайшей, святой и невинной, как голубица“, а поэтов „избранными

небес, стоящими высоко над толпой“. Говоря о том, как Жуковский смотрел на обязанности и деятельность поэта, оратор сказал, что Жуковский был того мнения, что „учителем и проповедником может быть только тот поэт, слова которого соответствуют его думам“. Заканчивая речь С. В. Островский сказал: „Мы, озираясь назад, с гордостью можем указать на Жуковского, который строил жил и строил поэт“.

После декламации студента Плещеева стихотворения „Перчатка“ и „Львиная царь“, студент Порфирий Веретенников произнес речь на тему: „В. А. Жуковский, как писатель для детей“. Сделав обзор того рода книг, которые приходилось читать детям до распространения сочинений Жуковского, оратор сказал, что поэт занимался то обстоятельством, что на русском языке почти ничего не было для детского чтения. Жуковский признавал, что детское чтение является одним из существенных средств в деле воспитания. Он говорил, что нужно родиться детским писателем, а не сделаться им. Разматывая „детскую“ произведение Жуковского первого периода, когда он писал их для Наследника, и второго — когда он писал для своих детей, оратор закончил речь, сказав, что все произведение великого поэта сохранило необыкновенно живой интерес и до наших дней.

Торжество закончилось исполнением студенческим оркестром „Марша“ Мендельсона. Все ораторы, хор и оркестр были награждены громкими аплодисментами присутствовавших.

Обзорные газеты и журналов. „Волгарь“, по поводу назначения двух новых Министров, говорит об относительной важности различных Министерств по их месту и значению в государственном механизме. Наиболее важным, как и следовало ожидать, газета считает Министерство Внутренних Дел, ибо оно обнимает русскую жизнь во всех ее проявлениях. Ньто области, нть то вида проявления частной или общественной инициативы, гд бы внутренняя политика не имела решающего значения, непосредственно отныне на жизни отбьются личности, н живи общественныи группы, на явлениях характера социального и экономического.

Ньто поэтому ничего удивительного, что при назначении нового Министра Внутренних Дел, на него с надеждой смотрит вся Россия, все классы, сословия, даже отбьльные общественныи группы, органы самоуправления и даже отбьльные личности. Надьются и ждуть, что ть или другая новая мьропьятия создадут новый порядок вещей, бьтве удовлетворяющь как мьстную, так общерусскью интересам и нуждам, вь отношении социального и экономического, вь отношении уклада общественной и личной жизни, проявления инициативы, предприимчивости и самостоятельности заботь бь экономическью благосостояния.

Дже в таких областях, как учения, как торговля-промышленность, как гласность (печать и выражение общественного и личного мьня), общественныи, сословныи, промышленныи и другьих обществ, артелей, союзов, всякья дьла личной и общественной предприимчивости и т. д. — во всем отражается весьма существенно внутренняя политика, сосредотачивающьяся в значительной степени в личности Министра Внутренних Дел. Будет справедливо даже сказать, что в русской жизни во все нть то области, гд бы эта политика не отражалась бьтве или мьнее яро.

Отеда, какь прямое следствие: огромная и разнообразная надежда, возлагаемая на Министество Внутренних Дел и представление бьт огромной же ответственности. На нового Министра Внутренних Дель смотрят вьт какь на создателя русской жизни и вьт смысл внутреннего яя строя и вьт смысл преодолеть нравь личности и общественныи группы, вьт смысл экономического благосостояния.

Поэтому, какь все положительныи стороны русской жизни, нть и отрицательныи ее явления вь общественном мьняи сопоставляясь всегда сь внутренней политикой и вь значительной степени имено ей и приписываются. Задача Министра Внутренних Дель — одна изт всеобъемлющих, но вь то же время и самых трудных задач, по существу дьла допускающих, только частичныи, а не общия решения.

В „Моск. Вьд.“ г. Сосоновьт указывает на средство освободить страхователей от закрьпощения их страховыми Обществами. Это средство есть оставление страхователями всех новых по времени оснований и сьлбько на основныи средства страховых акционерных от огня Обществ и массовый единопущный переход их вь одно, два, три Общества старых и солидных... Можно бороться против каждаго отбьльного страхователя и не позволять ему переводить имущество куда хочеться... Другое дьла — массовый уход, массовое требование о возвращении прав распоряжаться каждому своим имуществом,

сказки „Филиппко“, „Козлихина семья“ и много других. На выставкь есть еще особый оригинальный отбьт — мебель и вышивки вь старинном русском стиль. Мебель пригьтовлена вь абрамцевской столлярной мастерской по рисункам Полньовой. Работая вь этомь направлении, Е. Д. Полньова опиралась на археологическья издания, предпринимала экскурсии по деревням, пользовалась указаниями своего брата, В. Д. Полньова, и Васнецова. Обьткая деревни и посьщая избы, она обратила внимание на крестьянскью рьзьбу и отбьтила много интересныи образцовь русского самобытного народного производства. На выставкь было 23 столлярныи издья (шкафики, столы, диваны сь коньями, зеркала) и 4 вышивки (жарь-птица, олуванчики и др.).

Выставка Е. Д. Полньовой — хорошаа выставка; но ей не мало вредило то обстоятельство, что она была помещена вь посльднихь залах, за выставкой товарищества художников, которая утомляла и расколлаживала внимание зрителей.

Девятая выставка картин московского товарищества художников.

На выставкь участвовало 32 художника. Всьх рисунков и картин 194. Много картинь странных, вымученных, претензиозных; много недодьянных, почти совсемь ненаписанных. Порой художникь мазнеть желтой кистью бьтлому или зеленому фону, и такой еле замьтныи подмалевокь уже преподносит публикь на выставкь подь названиемь

какь угодно и какь нравятся... Противь требования массового, какь „противь рожна, не по-прешь“.

Дьло и возможно, „закрьпощения“ создались только на основании убьренности и глубокого убьждения г. заправль акционерных страховых от огня Обществ вь томь, что разьсшанные и разрозненныи интересы страхователей никогда не сойдуться вь шагь, могущьт парализовать насилье, задуманное и дерзко выполненное страховыми Обществами...

Какимь изь означенныхь Обществь выгодно и необходимо нужно прибьгнуть кь прибьнью дьйстви постановления „закрьпощающаго“ страхователей?... Только тьмь, которая основывалась иь существующь по недоразумьнию... Только тьмь, чьи дьла висят на волоскь... Чья крепьтоспособность — вьра вь чьт платежеспособность попоравана... Тьмь, чьи судебныи процессы уже применялись гласнмь страхователей на страничкь газет и на дьлохь своихь постановкьх... Но не всь же акционерныи страховья Общества таковы...

Есть изь этихь солидных и добросьветныхь преприятий, величущихь по путямь если и не безьупречнымь, то все же безь явныи и постоянныи насильи надь правами и интересами страхователей...

Не мь дьло указывать а рекомендовать их, да и сами страхователи отличьт знають их, и только недостатокь доброй воли да кумовство сь агентами, комиссионерами различныи Обществь (превышачий „дорогое“ знакомство), отдало страхователей от тьх Обществь, гдь они на самомь дьль могли бы быть застрахованы вь дьствительности, а не по названию... „Солнцныи“ страховья Общества, конечно, должны сказать г. Сосоновьт сердечное спасибо за его проект, который для нихь очень и очень выгоден. Но чьмь онь выгоден для страхователя, и не все ли ему равно, быт ли вь крьпостной кабальт у крупнаго страхового барина, или у маленькьго страхового Коробьткь? Вьдь, и вь томь, и вь другомь случахь гарантй одинаковы, какь одинаковы и условия крьпостной зависимости вь крупныхь и вь мелкьхь страховыхь Обществахь.

Посльдния извьстия.

Высочайшее помилование. Извьстное дьло г. Корвинь-Пьтровскаго, обвинявшегося вь покушении на убьство г. Пашковскаго и присужденнаго кь заключению вь крьпости на два мьсяца, безь лишеньи правь и преимуществь, нынь окончательнью закончено Высочайшимь помилованиемь г. Корвинь-Пьтровскаго. 12 апреля прокуроромь варшавской судебной палаты была получена оть Министра Юстици телеграмма сь извьщениемь, что вследствие поданнаго осужденнымь вь Высочайшее имя прошения и вь виду предьстоящихь празьниковь, Государь Императорь, по словамь „Варшавскаго Дневныи“, созволиль помиловать Корвинь-Пьтровскаго и освободить его оть всякаго наказания.

Представление шемахицевь Государю Императору. „Кавказь“ сообщать, что вь минувшемь марть мьсяцьт уполномоченные гор. Шемахи Мешади-Абдуль-Али и Гаджи-Керимь Абдуллаевы, Гаджи-Керимь-Искендеровь, Никифоровь Полстьян. Мартынь Газаровь. Арутунь. Патуровь и нькоторые другие имьли счастье представить Его Императорскому Величеству Государю Императору всеподданньшее ходатайство бьт устройствь на средства казны, жельзнодорожной вьтви оть города Шемахи до станци Наваги Закавказскьхь жельзныхь дорогь, дабы возможно было вь ближайшемь времени возстановить экономическью благосостояние разрушеннаго землетрясениемь города и привлечениемь мьстныхь жителей кь работамь по устройству названной жельзнодорожной вьтви дать заработокь, пострадавшимь оть землетрясения.

Кь прибытию президента Лубь вь Россию. На „Montcalm“, суднь президента, по словамь „Новь“, пригьтовлены два салона для президента республики — одинь салонь частный и одинь салонь для приємовь и, кромь того, одинь большой салонь для Высочайшихь Особь. Многья акюты на корабльь обращены вь маленькье салоны, предназначенные для лиць, сопровождающихь президента. Столовая дьла золотистымь шелкомь. Двери драпированы шелкомь гранатнаго цвьта сь золотыми гербами Франци. Повсюду масса электрическихь ламп: вь три и пять рожковь для столовой, и маленькия сь шелковыми абажурами для маленькьхь салоновь.

— Крейсерь „Кассини“, на которомь прибудет президенть Лубь, пригьдет кь самому Петербургу и станеть у Николаевскаго моста. Другья суда, вьспьдствие глубокой осадки, вь Неву не войдут. Кь приьзду президента ожидается прибы-

„Солнечное пятно“, „Сь поля“ (предполагается жница). Бывшая одновременно вь Харьковь вь сборномь домь, выставкь картинь, уступаа московской по числу экспонатновь, превьсходила ее по содержательности и отбьткь, хотя и туть быть недочеты, были не совсемь удачныи портреты, были экскурсий вь декадентскью фантастику. Интеллигентная публика и печать сочувственно относятся кь искусству; но есть элементарныи требования, которая всегда будьт прилагаться ко всемь выставкамь, напр., требование изучения природы и жизни, если не гениальности, то дарования, если не дарования, то, по крайней мьрь, серьезнаго отношения кь искусству и трудолюбиваго исполнения основныи условий техники.

Интересныхь картинь было около десятка. Наибольшее число картинь (14) выставиль В. Н. Мьшковь; лучшьи изь нихь — „Весна идеть“ и „На Волгь“. Интересныи еще по живописности картинь А. А. Соколова „Вь сугробахь“ и „Сакля“. Интересныи еще ньсколько произведенийь другьихь художниковь; но все это интересное тонеть вь массь пестраго, эскизнаго и совсемь неинтереснаго.

Проф. Н. О. Сумцовь.

руг. Прямого повторения моделей не может быть, ни одной модели; но для общих соображений я находил бы желательным принять во внимание, на мой взгляд, лучшие гоголевские модели — 1) гг. Константинова и Шервуда, 2) — (и г. Конз) Слово и 4) треугольнички, особенно первая два, премирнования.

Посмертная выставка картин Е. Д. Полньовой.

Слишком рано умершая талантливая художница Елена Дмитриевна Полньова (1850—1898) вышла из весьма интеллигентной и художественной семьи: отец ее был археолог и историк, мать занималась живописью, брат — известный художник, одна из лучших картин которого „Христос и грьшница“ была вь Харьковь на передьней вытвкь (нынь вь Петербургь вь музей Императора Александра III). Е. Д. Полньова специализировалась на изучении русского народного художественнаго стиля и вь этомь отношении проложила вь искусствь свою дорожку, небольшую, но оригинальную и интересную, по которой теперь сь успьхомь подьзаютъ Малашевь, Билибинь и нькоторые другие талантливыи художники-иллюстраторы русскаго сказочнаго мьра. Вь Малороссии, кь сожаленью, совсемь нтьт соответствующаго художественнаго течения, и богатьише художественныи запасы украинской народной словесности находятся вь полномь забрьт.

Полньова получила прекрасное общее и специальное художественное образование,

первое вь видь университетскихь курсовь Рьдкина и Градовскаго, прошудированныи по записямь братьевь-студентовь, второе подь руководствомь вь Петербургь Чистякова и Крамсково, вь Парижь — Шатльона. Живая, любящая, отзывчивая и энергичная, Е. Д. Полньова сначала собиралась устройть вь имьвни отца крестьянскую школу и приобрьла для преподавания вь ней дипломь домашней учительницы, но вскоре ее отвлекла турецкая война 1877 г. и она работала сестрой милосердия вьт, такь называемомь, „гангренозномь“ лазареть, гдь лежали шикшиноскье герои, отоморозившие себе ноги. Изучивь медицину, практически, вь лазареть и позднье, теоретически, на женскихь медицинскихь курсахь, Е. Д. сь сестрой своей открыли вь своемь имьвни амбулаторию для крестьян. Одновременно шло изучение теории и истории искусства. „Каждый день хожу вь Эрмитажь, пишет Е. Д. вь 1882 году, и посльднее, конечно, систематическью изучаю его“. Вь томь же 1882 году Е. Д. переселилась вь Москву, и сь этого времени начинается ея творческая художественная деятельность. Вьт Москвь Е. Д. Полньова познакомилась сь Викт. М. Васнецовымь, Архиповымь, Левитскимь, Нестеровымь, Суриковымь и, главнымь образомь, подь влияниемь Васнецова, всецьло ушла вь изучение русскаго народного искусства, древняго и новаго. Путешествуя осенью 1884 г. по Крыму и Кавказу, Е. Д. Полньова сообщала одной своей приятельниць: „Грандиозные виды природы мнь не по натурь. Любоваться, востор-

гаться ими могу, но, передавая ихь, остаюсь чересчурь спокойной и холодной. Не могу любоваться ихь такь, какь иногда мелочь какую-нибудь, но родную. За душу захватываеть одна лишь своя, хорошо знакомая природа сьверной или средне-российскай, особенно тогда, когда она выражена вь маленькьхь, какь будто ничтожныхь, но глубоко-поэтическихь утолкахь. Это мнь и близко, и дорого, и это мнь утешаеть“. Вь этихь словахь вылилась вся Полньова, какь художница. Дьствительно, это глубоко-чуткая, художественная натура, но вь маленькомь утолкь средне-русской природы, вь сьфере исключительнью великорусскаго быта, какь онь выразился вь Москвь, Костромь, Ярославль.

Полньова начала сь акварели, перешла потомь на живопись, много работала по иллюстраци русскаго народного сказокь, по стилизации растений, по вьнесению вь столлярное ремесло русскаго архаическьхь художественныхь мотивовь. Все это представлено на выставкь.

Изь картинь масляными краскамиь выдаются три: „Вь гостяхь у крестной“, „Урокь анатомии“ и „Путникь“. Шедьеръ — „Вь гостяхь у крестной“ составляеть собственнью книжну Демидова Сань-Донато. Картина средней величины, вь высоту аршина полтора и около аршина вь ширину. Мьсто дьйствитвь — простая комната, крестная — прака или кукаря; она гладить белье, внимательно проведя утюгомь по доскь, а у ногь ея сидять два мальчугана, крестники, свьтловолосые, вь кафтанчикахь, и

оба пьют чай. Сюжеть очень простой; но все полно жизни, глубоко реально, согрьто теплымь любовнымь чувствомь, все обрисовано чрезвычайно тщательно, чисто, ясно, прозрачно, трудолюбиво, добросьвестно. Нужно только пожалеть, что эта лучшая картина Полньовой составляеть частную собственнью и потому не можеть быть всегда доступной для публики.

„Урокь анатомии“ — двь учащихся дьлуши, вь черныхь патьяхь, причьмь одна изь нихь разсматриваеть черепь — картина также содержательная.

„Путникь“ — по дорогь идеть крестьянинь-рабочий сь багажомь на палкь за плечомь, а за нимь разстилается сумрачный сьверный горизонть, сь тяжелыми сизыми тучами, картина чисто-русская, сьверно-руская, вь духь Полньовой. Изь акварелейь выдаются по художественности работы „Этюдъ старика“, „Этюдъ рыжакь разносчика“ — обь 1876 г., затьмь ньсколько акварелейь цвьтвть. Много рисунковь на русския сказочныи темы. Вь одномь письмь Е. Д. Полньовой сказано по этому поводу: „Хочется вь дьломь рядь акварельныхь картинь выразить поэтическью взгляды русскаго народа на русскую природу, т. е. вынести сьбь и другимь, какимь образомь влияеть русский пейзажь на русскую народную поэзию и какь вь ней выражается“. Е. Д. Полньова пошла даље, и кь пейзажу привлекла народную архитектуру, орнаменты, вышивки. Жьлая передать дьтямь „поэзию и аромать древнерусскаго склада“, Е. Д. иллюстрировала

те несколько яхт с французской аристократией.

— Попечительство о трезвости устраивает для моряков французской эскадры несколько гуляний в Народном Доме Николая II.

21-го апреля в зал п. Петербургской думы состоялась громадная выставка различных художественных золотых и серебряных вещей для выбора из них подарков прибывающим французам. Выбор производился полными составом управы во главе с головою и художниками, во главе с вице-президентом академии художеств гр. И. М. Толстым. На выставку доставили лучшие ювелиры: Фаберже, Хлбничи, Морозовы, Овчинниковы, Грачевы и др. Овчинников выбрал три братины для кают-компаний, десять эмальерных кубков. У остальных — серебряные самовары, жбаны, кубки, чаши и блюда.

Ходатайства земств. Несколько времени тому назад некоторые земства возбудили ходатайства перед Министерством Внутренних Дел о желательности допущения женщин в канцелярии земских управ. В настоящее время, как сообщают „Нов. Вр.“, Министерство ответило, что пока нет основания входить с представлением в Государственный Совет об изменении для отдельных земств ст. 156, т. III св. зак.

Съезд представителей биржевых комитетов. В скором времени отъедом торговлю Министерства Финансов, по словам московских газет, созывается съезд представителей биржевых комитетов, на обсуждение которого будут поставлены следующие вопросы: 1) о выработке положений для суждения о том, что есть фальсификация зерновых продуктов и о каком должно считать фальсификатором (от земельного до экспортного); 2) о приращении и постановлении биржевых комитетов обязательной силы для каждого данного порта; 3) о назначении местных биржевых обществами по одному общему арбитражному представителю в каждом из наиболее значительных иностранных портов, на обязанности которых представителей будет лежать защита интересов русских экспортёров; 4) об улучшении условий экспорта; 5) об улучшении условий местного арбитража и многие другие. Некоторые из этих вопросов, как, например, первый, по окончательному их решению на съезде, получат, вероятно, юридическую санкцию, так как Министерство Финансов намерено внести их, через Министерство Юстиции, в Государственный Совет.

Военное ведомство. По словам „Нов. Вр.“, предложено управление желательных дорог снабдить ныне же приборами Ливчака т. паровозы, которыми будут обслуживаться воинские поезда во время предстоящих в нынешнем году больших маневров под Курск.

Высшие награды (почетные дипломы) с кустарно-промышленной выставки, по словам „Спб. Вд.“, получают земства: московское, вятское, полтавское и пермское, а также финляндский отъезд.

Картины для народа. Как сообщают „Пет. Лист.“ в первый числитель мая будет объявлен конкурс на исполнение оригиналов для цѣлой серии картин для народа. Несколько любителей-меченатов приняли на себя материальную часть дела. За лучшие рисунки картины, исполненные масляными красками или акварелью, будут выданы денежные премии. Темы для рисунков будут намечены при объявлении конкурса.

Студенческая победа. По инициативе профессора военно-медицинской академии О. И. Пастернака несколько лет подряд устраиваются поездки студентов в академию, находящихся на V курсе, в санаторию для чахоточных больных — Халила. Последняя победа в Халила была одержана студентами академии в 1901 году, причем на путевые расходы отпущено было из сумм Военного Министерства 393 руб. Подобную же поездку, как сообщают петербургские газеты, имется в виду устроить для студентов в настоящее время.

ОТКРОВЕННЫЕ РАЗГОВОРЫ.

„Хозяин“ и „работница“.

Мнѣ рассказали одну очень грустную историю, еще раз свидетельствующую о том, в каком тяжелом положении мо-

жет очутиться трудящаяся женщина, а особенно дѣвушка, попавшая откуда-нибудь из провинции в наш цивилизованный город, который, несмотря на всю свою показную цивилизацию, все еще переполнен хищниками, плотоядными зверями — двуногими, конечно...

Приѣзжает в Харьков из одного уездного города Харьковской губернии одна довольно интеллигентная и вполне приличная дѣвушка...

Приѣхала она искать мѣсто... А вы, вѣдь, знаете, что значить в Харькове найти мѣсто, особенно дѣвушка...

Здѣсь и мужчина, оставшийся без мѣста, должен пройти длинный ряд всевозможных мѣтарств, пока, наконец, судьба пошлет ему что-нибудь подходящее, да и то эти мѣтарства не всегда оканчиваются так благополучно...

Но у дѣвушки нашлось в Харькове ее прежний знакомый — земляк.

Онъ принялъ участие в ее судьбѣ и на свой счет напечатал в газетѣ объявление о томъ, что она ищетъ мѣсто экономки или продащицы...

Объявление помогло и послѣ его появления в газетѣ дѣвушка получила нѣсколько предложений.

Въ одномъ изъ этихъ предложений ее пригласили на должностъ экономки... Семейство, въ которомъ она должна была занять эту должностъ, оказалось вполне приличнымъ и солиднымъ.

„Договаривали“ ее весьма почтенный господинъ — отецъ семейства, состоявшая изъ жбны, которая уѣхала куда-то лѣчиться, двухъ почти взрослыхъ сыновей и трехъ маленькихъ.

Новой экономкѣ предложили жалованье в 10 рублей.

Она — согласилась, будучи увѣрена в томъ, что, кромѣ нея, будетъ и прислуга для черной работы; хотя въ тотъ моментъ, когда она поступала, прислуги еще не было, но „хозяинъ“ пообѣщавъ, что на другой же день прислуга будетъ нанята...

Увы! впоследствии оказалось, что „экономка“ нанята была изъ экономки и должна была совмѣщать въ своемъ лицѣ нѣсколько домашнихъ должностей...

Она исполнила рѣшительно всѣ хозяйственные обязанности...

Дѣло дошло до того, что ей пришлось и полы мыть, и дѣтей учить, и бѣлье шопать, и т. д. и т. д.

И это все, независимо отъ ее прямыхъ обязанностей, какъ экономки.

Однимъ словомъ, точь въ точь, какъ неграмотный Иванъ, который „Шить, кушать, шить, строгать“ и которому одновременно говорятъ: „Эй Иванъ! Или-ка стряпай!“

Цѣлая, такъ сказать, хозяйственная энциклопедия...

И за все это полагается жалованье не больше, не меньше, какъ 10 рублей, то есть, приблизительно по 1 рублю за каждую изъ исполняемыхъ обязанностей...

При этомъ я еще разъ подчеркиваю, что „работница“, попавшая въ эту кабалу, вполне интеллигентная, развитая дѣвушка, способная къ чему-нибудь повыше, чѣмъ мытье половъ...

Вы спросите, почему же она мирилась съ такимъ положениемъ, почему она не ушла отъ такого безобразия „экономка“ хозяйка...

Легко сказать — уйти, при теперешней борьбѣ за существование, когда на каждомъ мѣсто, на каждую должностъ уже заранее всегда есть цѣлая масса кандидатовъ и кандидатокъ...

У хозяйки въ такой эксплуатаціи своей „работницы“ или, вѣрнѣе, рабыни былъ прямой расчетъ именно на эту безпомощность, на эту безвыходность ее положенія...

Такая эксплуатація, разумеется, очень возмутительная своею безцеремонностью, своею безсознательностью...

Но ей можно найти, хоть какое-нибудь самое слабое оправданіе — напримеръ, въ общемъ экономическомъ кризисѣ, въ повальномъ безденежьи, въ невольности, вызванномъ крайней необходимостью, стремлении сократить расходы и сузить бюджетъ, хотя, разумеется, можно сказать противъ законности и справедливости такого способа урегулировать экономический кризисъ...

Но пусть такъ! Пусть слабые и безотвѣтные несутъ на своихъ плечахъ всѣ послѣдствія этого кризиса, а сильные и смѣлые, несмотря на всѣ кризисы, продолжаютъ утопать въ роскоши и удовлетворять свое тщеславіе и всѣ свои неуголимые аппетиты...

полнилъ гушину лѣса, а надъ ними пали, какъ свѣтъ, столбы высокихъ деревьевъ. Лѣсъ еще пытался бороться, ослабляя пожаръ своими испарениями и притокомъ свѣжихъ соковъ... Но, наконецъ, настала зима. Снѣгъ мертвой пеленой покрылъ черные пни, обожженные корни. Теперь можно было начать строить.

Скоро громадный городъ, весь выстроенный изъ дерева, какъ Чикаго, развернулся на обоихъ берегахъ Красной рѣки, съ широкими, прямыми улицами, расходящимися радугами отъ площадей, съ церквами, школами, рынками, таможнями и доками для постройки судовъ. Всевозможные искатели приключеній быстро наполнили этотъ деревянный городъ — Woodstown, какъ его называли. Лихорадочная дѣятельность закипѣла во всѣхъ кварталахъ; но, возвышаясь надъ улицами, полными народу, и надъ гаванью, загроможденной судами, какая-то темная и угрожающая масса разстилалась полукругомъ на близлежащихъ холмахъ. Это былъ лѣсъ. Онъ наблюдалъ за дѣйствіями этого дерзкого врага, который отнялъ у него три тысячи гигантскихъ деревьевъ и занялъ его мѣсто у берега рѣки. Весь городъ былъ плотно отъ его плоти, чаша его жизни.

Онъ все доставлялъ, весь материалъ, какъ для высокихъ мачтъ, качающихся надъ гаванью, какъ для безчисленныхъ крышъ, спускающихся къ рѣкѣ, такъ и для мебели, и для инструментовъ для работы...

Но, вѣдь, тутъ произошло еще нѣчто, болѣе возмутительное, болѣе грязное... Вследъ за беззастѣнчивой эксплуатаціей труда бѣдной дѣвушки, ее хозяйка — этотъ солидный, приличный господинъ, почтенный отецъ семейства — задумалъ еще новую эксплуатацію — эксплуатацію ее чести, ее нравственности, ее цѣломудрія...

Вы, разумеется, догадаетесь, въ чемъ это дѣло...

Кромѣ цѣлаго ряда разнообразныхъ хозяйственныхъ обязанностей, онъ предложилъ своей „работницѣ“ — исполнить обязанности... жбны...

На возраженіе несчастной оскорбленной дѣвушки, что ему надо было не экономки, а любовницы, онъ заявилъ, что, если она не согласна принять на себя эту новую обязанностъ, то онъ ей откажетъ отъ мѣста.

И вотъ передъ бѣдной дѣвушкой возникаетъ позорная альтернатива: или идти „на содержаніе“ къ своему хозяину, или остаться снова безъ куска хлѣба въ ожиданіи новаго мѣста...

А мы еще удивляемся, почему у насъ гибнетъ столько дѣвушекъ и женщинъ дѣлающихся „жбнами“ общественнаго темперамента“ или, вѣрнѣе, жертвами нашего общественнаго безстыдства, нашей общественной распущенности и разнузданности!

Замѣтите, вѣдь, что разсказанный мною случай не представляетъ собою ничего неслыханнаго, ничего экстраординарнаго...

А этотъ самый господинъ, стремящійся сдѣлать изъ честной дѣвушки „исправляющую обязанности жбны“, вовсе не представляетъ собою исключенія...

Увы! на каждомъ шагу вы можете встрѣтить сотни такихъ же интеллигентныхъ хамовъ, такихъ же интеллигентныхъ безстыдниковъ, о каждомъ изъ которыхъ такъ и хочется сказать неграмотнымъ стихомъ:

„Плюньте въ лицо ему, честные люди!“

Да и плевокъ не хватитъ на всѣхъ такихъ господъ!...

Да и бояться-ли они этихъ плевковъ!

Василій Ивановичъ.

Мѣстная хроника.

Богослуженіе и церковный парадъ. Вчера, 23 апреля, въ день тезоименства Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θεοδоровны въ Успенскомъ кафедральномъ соборѣ въ 9 1/2 ч. утра высокопроезжающимъ Флавианомъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, была отслужена литургия, а по окончаніи ея, соборно съ городскими духовенствомъ, торжественное молебствіе. На богослуженіи присутствовали: командиръ 10 армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Слущевскій, харьковский губернаторъ князь И. М. Оболенскій, генералитетъ, представители высшей военной и гражданской администраціи, начальники отѣльных частей и офицеры харьковскаго гарнизона; храбръ былъ переполненъ молящимися. Къ 11 часамъ утра на Соборной площади собрались всѣ, принимавшіе участіе въ парадѣ: по одной ротѣ отъ Пензенскаго Тамбовскаго, Воронежскаго полковъ, отъ Лебединскаго и Старобѣльскаго резервныхъ батальоновъ и взводъ Оренбургскаго казачьяго полка въ пѣшемъ строю. Всѣмъ парадомъ командовалъ Воронежскаго полка подполковникъ Чутъ. Принимавъ парадъ командиръ 10 армейскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Слущевскій. По выходѣ изъ собора, принявъ рапортъ отъ командующаго парадомъ, генералъ Слущевскій приказалъ: „Слущевскій при звукахъ „встрѣчи“ (оркестръ Воронежскаго полка) обошелъ парадующія войска, здороваясь съ ними. Обойдя войска, генералъ Слущевскій поздравилъ ихъ съ днемъ тезоименства Государыни Императрицы Александры Θεοδоровны и провозгласилъ здравію за здоровье Ея Величества. Музыка исполнила народный гимнъ „Боже, Царя храни“, а войска и огромная толпа народа, собравшаяся на площади, покрыли слова командира корпуса долго несомкнутаемымъ „ура!“

Когда все стихло, командиръ корпуса пропустилъ войска церемониальнымъ маршемъ. Около 12 1/2 часовъ дѣла парадъ закончился, а войска, подъ звуки музыки, направлялись по казармамъ.

Погода вчера стояла жаркая, лѣтняя, а потому войска были выведены въ однихъ мундирахъ со скатанными черезъ плечо шинелями.

Въ приходскихъ и полковыхъ церквахъ были вчера отслужены молебны, по случаю высокоторжественнаго дня тезоименства Государыни Императрицы Александры Θεοδоровны.

Понятно, какую затаенную ненависть питалъ лѣсъ къ этому разбойничьему гнѣзду!

Пока длилась зима, ничего не было замѣтно. Иногда только обитатели Woodstown'a слышали глухой трескъ въ дѣланияхъ, въ мебели. Время отъ времени образовывалась глубокая трещина въ стѣнѣ, или какой-нибудь столъ или конторка съ шумомъ распадались на части. Но этому никто не придавалъ значенія, такъ какъ съ сырмѣмъ деревомъ это случается. Однако, съ приближеніемъ весны — ранней, роскошной весны, полной свѣжихъ соковъ — почва начала волноваться, точно движимая невидимыми, дѣтельными силами. Во всѣхъ домахъ мебель и стѣны возмущались, а на поверхности полъ показались выпуклости, точно образованные кровными ходами. Ничто больше не закрывалось: ни двери, ни окна. „Всеми улиткой сырость“, говорили жители; „съ теплотой все пройдетъ“. Какъ вдругъ, однажды, послѣ сильной грозы, которая уже послѣдствіемъ, съ ее жгучими молніями и теплыми дождями, однажды, весь городъ ахнулъ, вставъ отъ сна. Красная крыша общественнаго учрежденія, колокольни церквей, полъ домовъ, даже дерево кроватей, все было покрыто зеленымъ налетомъ, тонкимъ, какъ пѣна, легкимъ, точно кулево. Вѣбзисъ — это оказывалось множествомъ микроскопическихъ почекъ, которыхъ уже видѣлись зачатки листь-

ксандры Θεοδоровны. Городъ съ утра украсился флагами, а вечеромъ былъ иллюминированъ.

Сенаторъ, т. с. А. Ф. Кони 22 апреля изъ Харькова выѣхалъ въ Петербургъ.

Прокуроръ харьковской судебной палаты А. А. Луцкихъ 22 апреля выѣхалъ въ Петербургъ.

Управляющій акцизными сборами Харьковской губернии П. Н. Нагаевъ 22 апреля возвратился въ Харьковъ.

Праздникъ въ честь Жуковскаго въ Пушкинской школѣ состоялся вчера, 23 апреля. Къ 11 часамъ утра въ залъ школы, въ глубинѣ котораго, среди тропическихъ растений, помѣщались бюсты Жуковскаго, Пушкина и Гоголя, прибыли инспекторъ народныхъ училищъ М. А. Бойковъ, заступающій мѣсто городского головы Н. А. Северинъ, нѣкоторые главные думы, начальники женской гимназии Оболенской — М. Д. Борщъ и многие родственники учащихся въ школѣ. Праздникъ начался рѣчью профессора Н. Ф. Сумцова объ отношеніяхъ Жуковскаго къ Пушкину и Гоголю. Затѣмъ ученический хоръ пропѣлъ „Коль славень“, послѣ чего чередовались: декламация, пѣніе и живая картина и въ концѣ былъ исполненъ гимнъ „Боже, Царя храни“. Особенно хорошо декламировали ученицы 3-го отѣленья Захарова, Киперъ и Проскурякова. Очень пріятное впечатлѣніе произвело чтеніе маленькаго ученика 1-го отѣленья Жукова; для того, чтобы его видѣли собравшіеся, малютка вскарабкался на скамейку. Общую похвалу заслужили также ученицы 2 и 3 отѣленья, читавшіе стихи. Изъ вокальных номеровъ „Крещенскій вечеръ“ былъ повторенъ; solo въ немъ исполнила сверхталантливая ученица М. А. Снѣгирева. Всѣ дѣти съ видимымъ удовольствіемъ пробывъ на праздникѣ почти до 3-хъ часовъ дня, и особенно имъ понравились довольно художественно поставленные живыя картины.

Новые медицинскіе участки въ Харьковскомъ уѣздѣ. На предстоящемъ врачебномъ совѣтѣ харьковскаго уезднаго земства, вѣсть съ вопросомъ о преобразованіи золоточеской больницы въ обыкновенную участковую лѣчебницу, будетъ разсматриваться вопросъ объ открытіи новыхъ участковъ. Въ настоящее время въ Харьковскомъ уѣздѣ на каждого врача приходится приблизительно 25 тысячъ населенія, тогда какъ въ Ахтырскомъ и Богодуховскомъ на врача приходится только 18 тысячъ, въ Лебединскомъ, Змишевскомъ и Куляновскомъ по 22 тысячи. Менѣе Харьковскаго уѣзда обезпечены медицинскою помощью уѣзды: Старобѣльскій — 27 тысячъ на врача, Сумской — 28 тысячъ, Ровеньскій — 30 тысячъ, Волчанскій — 33 тысячи и Изюмскій — 34 тысячи. Для того, чтобы Харьковскій уѣздъ занялъ среди другихъ уѣздовъ губерніи, соответственно своимъ средствамъ, первое мѣсто, нужно открыть три новыхъ участка. Для равномернаго распредѣленія медицинскою помощи въ Харьковскомъ уѣздѣ, слѣдовало бы сдѣлать врачебными центрами новыхъ участковъ селенія: Безлюдовку, Циркуны и Должикъ или Уды.

Вольныя работы. Нѣкоторая земская управа и болѣе экономно обратились съ хатайствомъ къ командующему войсками кievскаго военнаго округа генералъ-адъютанту Драгомирову о разрѣшеніи въ пѣхотѣ лѣтнихъ вольныхъ работъ, мотивируя свое ходатайство — возможностью во время жбны недостатка рабочихъ рукъ. Какъ мы слышали, ходатайство это генералъ-адъютантъ Драгомировъ уваженно не вынесъ. До 15 мѣсяца, по окончаніи смотра стрѣльбы, нижние чины пѣхоты будутъ уполнены на вольныя работы.

Выступленіе въ лагерѣ. 19, 20 и 21 апреля въ чужевскій лагерь по Балашовской желѣзной дорогѣ эшелонами проѣхали полки 9 дивизіи: изъ Кременчуга 35 пѣхотный Брянскій и изъ Полтавы 36 пѣхотный Орловскій. Съ приходомъ завтра, 25 апреля, въ лагерь 4 батальона Пензенскаго полка, въ чужевскій лагерь соберутся: 2-я бригада 9 пѣхотной дивизіи, лѣт роты Воронежскаго полка, 1 батальонъ Пензенскаго полка, по одной ротѣ отъ Старобѣльскаго и Лебединскаго резервнаго батальоновъ.

Это странное явленіе сначала забавляло, не вызывая опасеній; но уже задолго до вечера пучки зелени распустились всюду на стѣнахъ, на мебели. Все это росло на глазахъ; взирая всюду любую изъ вѣтокъ, слышно было, какъ она росла и трепетала, точно крылья. Черезъ день всѣ жилища приливали видъ теплицъ. Лѣны обвивали пѣли лѣстницы; въ узкихъ уллицахъ вѣтви перебрались съ одной крыши на другую, придавая шумному городу видъ тнстнхъ лѣсныхъ тропинокъ. Это стало новшествомъ, наконецъ, тревожащимъ. Въ то время, какъ собраніе ученыхъ обсуждало этотъ случай необыкновеннаго произрастанія, толпа наблюдала различныя проявленія этого чуда. Восклицанія удивленія, глухой говоръ этой бездѣлительной толпы придавали что-то торжественное этому странному событію. Вдругъ кто-то вскричалъ:

— Обратите вниманіе на лѣсъ!

И всѣ съ ужасомъ замѣтили, что зеленый полукругъ придвинулся ближе къ городу за эти два дня. Лѣсъ точно надвигался на городъ, высшая точка авангарды кустарниковъ и лѣанъ.

Тогда Woodstown понялъ, въ чемъ дѣло, и началъ тревожиться. Было очевидно, что лѣсъ хотѣлъ отвѣстать свое мѣсто у берега рѣки, и его деревья, срубленные, разсыпанные, изуродованные, въ ожиданіи изъ своего лѣана. Какъ противостоять этому вторженію? Прибѣ-

и рабочая команды отъ прочихъ полковъ 9-й и 31-й дивизій. Съ сегодняшняго дня начинается на лагерномъ стрѣльбищѣ курсовая стрѣльба. Деревья въ лагерь распускаются, военное поле покрыто зеленою травой, которую еще не успѣли вытоптать войска.

Одновременно съ находящимися въ лагерь частями войскъ стрѣльбу будутъ проходить также чужевское пѣхотное юнкерское училище и Ингерманландскій драгунскій полкъ.

Примѣръ, достойный подражанія. Во многихъ городахъ обязательными постановленіями о содержаніи садовъ и скверовъ установлено, чтобы черезъ городскія посадки не проходили артели всевозможныхъ рабочихъ и чтобы на ночь сады и скверы запирались. Рабочие не носятъ соръ, топчутъ клумбы, пачкаютъ скамейки и иногда ломаютъ деревья; лѣтотъ же въ садахъ и скверахъ можно встрѣтить ночежниковъ, остающихся на травѣ слѣды ночлега. Въ нашихъ центральныхъ скверахъ большое удобство для ночежниковъ представляютъ недавно поставленные диванчики. Городскому управленію слѣдовало бы пополнить изданія имъ обязательныя постановленія пунктомъ, которымъ запрещалось бы артелямъ проходить черезъ городскія посадки и вѣшалось бы въ обязанностъ садовымъ сторожамъ запираеть на ночь сады и скверы.

Арендаторъ сада коммерческаго клуба, желая уклониться отъ взятка на себя обязательства содержать лѣтомъ въ саду клуба оркестръ отъ 35 до 40 человекъ, предлагалъ замѣнить оркестръ другими „развлеченіями“, болѣе интересными, по его мнѣнію, или, проще сказать, болѣе выгодными для арендатора. Но старшины клуба проявили на этотъ разъ настойчивость, и арендаторъ обратился на дняхъ къ Д. В. Ахшарумову, дирижеру симфоническихъ концертовъ въ Полтавѣ, очень талантливому музыканту, съ предложеніемъ взять на себя составленіе оркестра.

Но въ настоящее время, когда всѣ оркестры уже сформированы, чрезвычайнотрудно, почти невозможно, составить приличный оркестръ, могущій удовлетворить требованія мѣстной публики, безъ особенныхъ затратъ.

Злоупотребленіе телефономъ. Для нѣкоторыхъ господъ телефонъ служитъ для извѣстныхъ шутокъ. Подобные господа, пользуясь невозможностью прослѣдить за тѣмъ, въ данную минуту говорить въ телефонъ, позволяютъ себѣ крайне неумѣстныя выходки. Такъ, напримеръ, докторъ Т. въ теченіе одной недѣли трижды былъ вызванъ къ различнымъ больнымъ, которые прѣзидомъ его поражались, заявляя ему, что они совершенно здоровы и его не приглашали. На первый день праздника изъ мѣстной общины Краснаго Креста, посредствомъ телефона, была вызвана сестра милосердія къ больному п. для ухода за нимъ. Назначенная сестра милосердія собралъ свои вещи и является къ г. С. Какову же было ее удивленіе, когда ее встрѣтила сестра милосердія, которая не просилъ къ нему пригласить, и что всѣ въ домѣ у него здоровы. Со стороны барышни, служащихъ на телефонѣ, также раздаются жалобы, что имъ часто приходится выслушивать непристойныя вещи.

Безцеремонность служащихъ конки особенно обращала вниманіе на себя третьяго дня, когда главный кондукторъ пассажирскихъ конки по случаю крестнаго хода, составляла народная масса, вѣжливости съ которой кондуктора и вагоноводы считали извѣстной роскошью. Переполненные вагоны мчались по улицамъ, даже не останавливаясь у нѣкоторыхъ остановочныхъ пунктовъ, — поведенію, кондуктора конки полагаютъ, что останки существуютъ исключительно для интересовъ конки, т. е. для посадки пассажировъ. Отвѣтомъ на заявленія невольныхъ служилъ дерзость, подчасъ и ругань, словомъ, показавъ свою уады служащіе конки 22 апреля.

Пожаръ. 23 апреля, утромъ, на Павловскомъ переулкѣ произошелъ пожаръ, уничтожившій на домѣ гр. Масляникова крышу. Причина пожара не выяснена. Домъ Масляникова застрахованъ въ харьковскомъ взаимномъ страховомъ Обществѣ; убытокъ заявленъ на 150 рублей.

Въ ночь на 23 апреля на домѣ гр. Ручича, по Глухой уллицѣ, произошла кража и стрѣльба. Домъ гр. Ручича застрахованъ въ харьковскомъ взаимномъ страховомъ Обществѣ въ 500 руб.; убытокъ не приведенъ въ извѣстность.

СКАЧКИ.

Вчера, 23 апреля, въ четвертый день скачекъ, при прекрасной погодѣ, на ипподромѣ собралось очень много публики. На 7 скачекъ записано было 45 лошадей, изъ которыхъ снято вѣдальными.

1-я скачка. Призъ Общества 500 руб., съ полисами 525 руб., а за выигравшаго 1/2 по 100 руб. дистанція 17/8 вер. Скачка 7 лошадей, первыми, въ 1 м. 51 с., прискакали „Пакетъ“ — А. И. Бокоса (жбны Минскихъ), второй, на четыре корпуса, „Геня“ — М. Ф. Кирьянкова и А. Н. Бѣлокомитова и третій „Аидъ“ — А. И. Орлова.

У тотализатора все время толпились много играющихъ.

Позавчера, 22 апреля, въ бенефисъ „знаменитой примadona Аделины Падванъ“ дана была опера Беллини „Пуритане“.

Госсиани (1792—1866), Беллини (1801—1835) и Доницетти (1797—1847) — это „послѣдніе могикане“, послѣдніе представители стараго — виртуознаго направления въ оперѣ, которое, въ теченіе всего XVIII вѣка и до второй половины XIX-го было почти господствующимъ. Потомъ времена измѣнились, и болѣе серьезные теченія, пробивавшія уже въ твореніяхъ Глюка, Моцарта, Вебера, получили на Западѣ преобладающее значеніе. Не могли устоять предъ новыми вѣяніями и итальянскіе maestri. Верди, начавъ въ молодости съ подражанія Россини и Доницетти, въ зрѣлые годы создалъ свой chef d'oeuvre „Аиду“, несомнѣно уже явные слѣды вліянія, такъ называемыхъ, „петербургскихъ“ идей. Менѣе талантливые Печониокалло, Бойто, Пуччини прямо уже разводятъ самую жалкую и скучную „паттерновщину“. У насъ — въ Россіи развѣ только Глинка да отчасти Драгомиравскій отдали небольшую дань виртуозному стилю пѣнія, всѣ познѣйшіе русскіе авторы тщательно его избѣгали. Въ публикѣ также не отразилось замѣтное охлажденіе къ безсодержательному флоритурному пѣнію, и развѣ только дѣйствительно выдающіеся изъ ряда колоратурныхъ дивъ способны теперь возбудить въ ней минутный интересъ, или скорѣе любопытство, къ формѣ пѣнія, давнымъ давно изжившей свое значеніе. Старая опера Беллини и Доницетти сами по себѣ едва ли могутъ побѣдить это равнодушіе, до того всѣмъ шаблонно однообразны въ построеніи мелодій, бѣды въ гармоническомъ отношеніи и безцѣлны по инвентарюментовъ. Иногда, правда, въ нихъ мелькаютъ отрывки, благодарные для пѣв-

катальп. Все было кончено; надо было бѣжать.

Сквозь чашу кустарниковъ и вѣтвей испуганныхъ жителей Woodstown'a бросились къ рѣкѣ, унося все наиболѣе дѣльное. Но не легко было достигъ берега рѣки! Набережной уже не существовало, а потому, кромѣ гигантскихъ тростниковъ, а вновь построенная суда казались на рѣкѣ чѣвущими островами. Къ счастію, сохранилось нѣсколько блиндированныхъ судовъ, и толпа бросилась на нихъ, съ ужасомъ слѣдя, какъ старый лѣсъ все ближе и ближе подвигался къ молодому.

Мало-по-малу, деревья схватили свои веркушки и подъ голубымъ небомъ, вплоть до самаго горизонта, разстлалась одна громадная, зеленѣющая масса. Не было больше и признаковъ города. Иногда слышался глухой шумъ, то ли ахо отъ паденія чего-нибудь тяжелаго, или раздавался стукъ топора упрямого дровосѣка, застрявшаго въ лѣсной чащѣ...

Потомъ ни звука больше... ничего, кроме тишины, звенящей, гулѣющей тишины, тучи бѣлыхъ бабочекъ, кружащихся надъ рѣкой, да тамъ, на горизонтѣ, смутная коряба съ тремя зелеными деревьями, вѣсто мачты, уносящая къ морю послѣднихъ обитателей того, что было Woodstown'а...

WOODSTOWN.

Фантастическая сказка
Альфонса Доде.

Торг. Аптекарь. Товар, въ Харьковѣ.
М. 60—20

